

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-5

Японоведение в России: традиции классики и тренды перемен

Александр Викторович ФИЛИППОВ

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет,

199034, Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: PhilAlex2005@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9894-8304

ЦИТИРОВАНИЕ: Филиппов А.В. (2021). Японоведение в России: традиции классики и тренды перемен // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 6. С. 92–116. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-5

Статья поступила в редакцию 28.11.2021.

АННОТАЦИЯ. На основе проблемно-исторического подхода рассматриваются и анализируются основные вехи развития японоведения в нашей стране, начиная с его истоков во второй половине XVII века. Эволюцию страноведения в России определяли ряд факторов геополитического характера, особенности внутренней и внешней политики, социально-экономические изменения в обществе. Отображено российское японоведение в качестве комплексной науки, вобравшей ряд научных направлений: язык, историю и культуру, литературу и искусство, этнографию и этнопсихологию, географию, экономику, политику. Отмечено сохранение единства и цельности японоведения в России, развивавшегося на основе классических традиций русского востоковедения.

Среди этапов развития рассмотрены истоки японоведения в России, начиная с XVII в., становление в классической форме на рубеже XIX–XX вв., кризисные рубежи 1905, 1917, 1937–1938 годов. Как определенные итоги

можно рассматривать два последующих этапа, завершающих обзор. Обобщающие комплексные труды японоведов с послевоенного времени до перестройки явились результатом плановости в эволюции востоковедения на основе стабильной идеологии и регулярного финансирования (1945–1985). Представлены имена и судьбы наиболее ярких представителей, классиков отечественного японоведения. Обзор завершает рассмотрение ситуации на рубеже XX–XXI веков, отмечены плюсы и минусы, проявившиеся на постсоветском этапе исследований по Японии в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история японоведения, первые японоведы, школа японского языка, историография Японии, востоковед-практик, Восточный факультет, Василий Костылев, Дмитрий Позднеев, Николай Конрад, Евгений Жуков, Евгений Поливанов.

Впервые к вопросу о развитии японоведения в России обратился К.А. Харнский в 1924 г. [Харнский,

1924]¹, подняв тему о Восточном институте во Владивостоке до Октябрьской революции. Более пристальный анализ досоветского востоковедения мы наблюдаем только в 1960-х годах благодаря А.Л. Гальперину [Гальперин, 1960]². Неоднократно к вопросам изучения японского языка в России обращался В.М. Алпатов [Алпатов, 1988; Алпатов, 1991; Алпатов, 1994; Алпатов, 2017; Алпатов, 2020]. Ряд трудов по развитию тех или иных аспектов японоведения был создан усилиями А.А. Бабинцева, В.Н. Горегляда, Л.Л. Громковской, Г.Д. Ивановой, Е.И. Кычанова, О.П. Петровой. Неоценимый вклад в подготовку ряда изданий с воспоминаниями о японоведах внесла Н.Ф. Лещенко [Лещенко, 2016; Лещенко, 1998]. Личные воспоминания И.А. Латышева, Г.Е. Комаровского (Светлова) также бесценны для воссоздания цельной картины прогресса японоведения [Латышев, 2001; Комаровский, 2005]. Несомненно, всем, кому интересно страноведение, повезло с появлением фундаментальной монографии о российском японоведении в 2015 г. (двумя годами позже переиздана [Стрельцов, 2017]). Помимо освещения положения дел в Москве, Петербурге, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке, авторы остановились и на персоналиях – отечественных японоведах, работающих в Японии. Освещен десяток направлений: язык, культура, история, религия, право, политика, экономика, внешние связи, география, корпоративный менеджмент и проч. С разных сторон оценивается и история японоведения в России: помимо основательной периодизации В.М. Алпатова с точки зрения изучения японского языка, рассматривается история исследова-

ний по искусству, литературе, переводческому делу.

Окончательно определиться с периодизацией в японоведении в целом – дело многотрудное. Так, в середине XIX в. каждая публикация порой поворачивала вопросы новыми гранями. За последние же три четверти века японоведение в России развивалось особенно бурно. Даже за постсоветское время многократно умножились ряды японистов и число публикаций. В предлагаемом обзоре определяются ориентиры, с которыми было связано развитие исследований по Японии в России. Страноведение как таковое постепенно преобразилось, в нем начала проявляться специализация по направлениям: язык, история и культура, литература и искусство, этнография и этнопсихология, география, экономика, политика. Однако эти направления не вырваны из востоковедения, хотя и обладают своей спецификой. **Японоведение в России было и остается комплексной наукой.** Востоковеды прошлого часто соединяли в своей деятельности и дела ученые, и преподавание, и переводческую деятельность. Практическая пригодность специалиста часто становилась ключевой и для государства, и для самого востоковеда. В нашей стране эта проблема особенно остро проявилась в непростое время перестройки (о чем пойдет речь далее). Можно попытаться найти ответ на вопрос о характере востоковедческой специальности. Типаж востоковеда-практика – не ослабляет ли он теоретический и аналитический потенциал ученого? Или же, согласно словам ученых мужей прошлого, востоковеду нужно иметь широту взглядов и многогранность? Пожалуй, все-таки послед-

1 Этот факт публикации в периодической печати отмечала Г.И. Подпалова [Подпалова, 1994].

2 Подробнее см.: [Подпалова, 1994]. А.Л. Гальпериним впервые была предпринята попытка дать анализ развитию русского японоведения от XVIII в. до 1917 г. Раздел был опубликован в составе пятитомного издания, которое выпускалось на протяжении 30 лет – с 1955 по 1985 г. [Гальперин, 1960].

нее. Ибо только тогда можно говорить об адекватности и точности в выстраивании образа иной культуры. Культуры, нюансы восприятия которой востоковед должен донести до своего социума. Ограничить научные представления узкой сферой – не слишком надежная перспектива. Именно в таком ключе и предлагается взглянуть на периодизацию и перспективы в развитии японоведения.

Тенденции в развитии японоведения в России связаны с целым рядом причин. Среди них – геополитические устремления страны, факторы внутренней и внешней политики, существенные изменения социального и идеологического характера. Все это является из предложенной далее периодизации.

Истоки русского классического страноведения по Японии (XVII – середина XIX в.)

Начальный период знакомства со Страной восходящего солнца в России логично делится на два этапа, весьма разных по своей сути. **Первый этап (XVII–XVIII вв.)** в основном предполагал заочное получение знаний об этой стране, поступавших из Европы. Само русское название *Япония* также прошло немалый путь через страны Европы, прежде чем получило свое звучание по-русски. Вести о Японии в пересказе Марко Поло, записанные в XIII в., а напечатанные почти на два столетия позже (Нюрнберг, 1477 г.), стали поводом для появления названия этой страны во всей Европе. Искаженное, услышанное от китайцев слово Марко Поло выразил как *Дзипангу*. Через Францию, Англию, Германию, Польшу (где оно звучало как *Жапон*, *Джэпэн*, *Япан* и т.п.) слово пришло в русский язык как

Япан, *Япон*, *Апон* (впрочем, имелся и ряд иных редких форм в именовании этой страны). Столетием позже, в 1542 или 1543 г., первые европейцы (трое португальцев) по воле случая оказались в Японии. В одночасье торговцы и миссионеры из Европы, полные рвения, направились на освоение заветной страны, по словам Марко Поло, «чудесно богатой золотом». В первой половине XVII в., в 1639 г., Япония жестко ограничила связи с иноземцами, введя политику самоизоляции во избежание порабощения. По стечению обстоятельств действовал единственный торговый и информационный канал – через Голландскую факторию в Дэдзима (Нагасаки). Данные по Японии на протяжении двух веков (до середины XIX в.) поступали благодаря служащим Ост-Индской компании, таким как Э. Кемпфер, Ф.Ф. фон Зибольд, К.П. Тунберг и др. Развитию страноведения в Европе способствовал и знаменитый Атлас Г. Меркатора конца XVI в., в России пояснения из него помогли при составлении текстов хронографов и космографий. Именно таким оказался этот этап «заочного знакомства» России с Японией, когда информация поступала благодаря записям европейцев.

Второй этап (очное, непосредственное знакомство), строго говоря, следует обозначать **срединой XVIII – серединой XIX веков**. Однако здесь присутствовали некоторые нюансы. **Во-первых**, в результате кораблекрушений с конца XVII в. неоднократно **в России стали появляться настоящие японцы**. Первый из них, Дэмбэй, в январе 1702 г. был лично принят Петром I в селе Преображенском под Москвой, когда государь повелел, чтобы иноземец обучал японскому языку на Руси; затем в 1706 г. последовал и царев указ о создании в Петербурге школы японского языка при навигацкой школе. **Государевы чаяния были связаны с**

«заведением торго с Японией». Личные вещи другого японца (Дайкокуя Кодая), 11 лет прожившего в России и удостоенного аудиенции с Екатериной II, вошли даже в состав коллекции созданной еще Петром I Кунсткамеры. Роль этого первого в стране музейного заведения (на базе его потом возник Азиатский музей) совершенно неопределима с точки зрения вклада в развитие страноведения по Японии в России. **Во-вторых**, еще с конца XVI в. (Ермак, 1581 г.) началось активное **освоение просторов Сибири землепроходцами**, казаками, «промышленными людьми». Промысел «меховой рухляди» (мехов) сулил невиданные барыши. К 1639–1643 годам русские вышли к берегам Тихого океана (Иван Москвитин, Василий Поярков); в 1648 г. прошли через Берингов пролив между Азией и Америкой (Семён Дежнёв); в 1640–1650-х добрались до Курил (Михаил и Тарас Стадухины), наконец, во второй половине XVII в. к России присоединена Камчатка (Иван Камчатый, 1658–1661; Владимир Атласов, 1697–1699). Одновременно с продвижением по Сибири **развивалось и картографическое дело** – от появления в 1667 г. «по вымотру воеводы Петра Годунова со товарищи» первого «чертежа Сибирския земли», составления видным «чертещиком» Семёном Ремезовым в 1699–1700 гг. «Чертежной книги Сибири» и до обследования Курил по указу Петра I в 1719–1721 геодезистами Иваном Евреиновым и Фёдором Лужиным. На двух из 23 карт С. Ремезова впервые в отечественной картографии была нанесена Япония. Так что уже в XVII в. достижения в страноведении по Японии были совершенно очевидны с точки зрения географической науки. **Для России складывалась возможность установления торгового пути в Японию с Севера** – в отличие от европейцев, которым был доступен лишь маршрут через южные моря.

С первой половины XVIII в. в России появляются и самые **ранние печатные издания по японоведению**. Их составителями либо авторами были Степан Коровин-Синбиренин и Иван Горлицкий (1734), профессор Иван Рейхель (1773), «природный японец» Николай Петрович Колотыгин (1817). Блестящий компилятивный труд 1734 г. «Описание о Японе...» был составлен двумя талантливыми переводчиками, интерпретаторами текста и исследователями (С. Коровин-Синбиренин и И. Горлицкий). Судя по всему, их труд появился благодаря творческой обработке многотомных воспоминаний (1676–1679) о путешествиях на Восток парижского торговца бриллиантами, путешественника (и не только) Жана-Батиста Тавернье (уроженец Парижа, происходил из семьи антверпенских торговцев). В итоге на русском языке появилось блистательное первое издание по японоведению, которое и сегодня вызывает восхищение читателей. Объем этого трехтомника, опубликованного в 1734 г., составил почти 400 страниц.

Немец-историк, выпускник Лейпцигского университета, будучи приглашенным преподавать в Московский университет, стал известен как профессор Иван Рейхель. В 1773 г. его «Краткая история о японском государстве» объемом свыше 250 страниц вышла в свет в Москве в университетской типографии. Значение этого страноведческого труда профессионального историка подчеркивает то, что после первого издания труд за последующие полтора десятка лет был не один раз переиздан. Неугасимый интерес к установлению торговли с Японией подтверждает и появление в 1817 г. труда «японца Николая Колотыгина» «О Японии и японской торговле» объемом почти 100 страниц. Свежие знания русским читателям принесли и воспоминания о пребывании в плену у япон-

цев адмирала В.М. Головнина (1816 г.), и «История Японии» Николая Горлова (1835 г.).

Завершив рассмотрение источников по японоведению в России, обратив внимание на поистине эпохальное издание середины XIX в. В 1854 г. в Петербурге увидела свет работа «Ниппон = Япония» сотрудника Голландской фактории немца Филиппа Франца фон Зибольда, подготовленная на основе личных впечатлений от путешествий. Если первой для европейцев «Библией японоведов» (с момента издания в 1727 г.) была «история Кемпфера»³, то столетием позже (с 1830-х) таковой надолго стала «Ниппон» Зибольда, получившая известность на немецком, голландском, французском, английском языках. Для Европы середины XIX в. этот труд стал лучшим систематизированным материалом по Японии, открыл новый период в страноведении.

Впечатляющим трехтомником является «Путешествие по Японии, или описание японской империи в физическом, географическом и историческом отношениях» в русском переводе В.М. Строева объемом 1057 страниц. Он открыл новую амбициозную серию «Библиотеки Путешествий» издательства А. Плюшара в восьми томах. Издание включало сведения о стране, полученные примерно от десятка именитых авторов, хорошо знакомых с Японией (от Кемпфера до Крузенштерна и Варениуса). В Европе записки Ф. Зибольда впервые начали печатать на немецком по частям (переплетали их уже сами покупатели) с 1832 г., и это продолжалось до 1850-х годов. Любопытно, что за год до выхода русского издания, в 1853 г., Ф. Зибольду довелось по-

бывать по приглашению в Петербурге в качестве консультанта по Японии на фоне подготовки миссии Е.В. Путятина (заклучившей в 1855 г. первый договор России о торговле с Японией). Возможно, это рубеж для японоведения и потому, что в 1850–1860-х годах в Японии рухнула политика самоизоляции, свершилась буржуазная революция Мэйдзи и страна вошла в международное сообщество, впервые открыв въезд для иностранцев, с энтузиазмом и массово окупившихся в изучение ранее недоступной «экзотики».

Отметим, что на данном этапе развития страноведения большая часть трудов представляла собой компиляции, где даже в случае прямого цитирования невозможно установить, откуда цитату взяли, на какие материалы опирались. Это характерно и для хронографов, космографий, и для почти всех ранних изданий по Японии (1743, 1773 и др.). Русское издание Ф. Зибольда – не исключение; недаром на титульном листе после его имени указано: «... дополненное сведениями и известиями из Кемпфера, Фишера, Дёфа, Шарьвуа, гр. Гогендорна, Крузенштерна, Тунберга, Титсинга, Варениуса и др.». В Европе и России творчество при «составлении» трудов по страноведению вело к прогрессу, к поиску знаний о чужих землях. Авторы порой давали волю фантазии наряду с привлечением редкого материала, случайно упоминавшегося где-либо. Точных указаний, откуда сведения, часто не приводилось. Труд автора-составителя был делом кропотливейшим и ответственным. Появление в свет страноведческого издания по истории, культуре, географии Японии формировало взгляды читателей на десятки, а иногда и на сотню лет.

3 Э. Кемпфер (1651–1716) – родоначальник изучения Японии в Европе. Его «История гражданская, натуральная и церковная Японской Империи», изданная в 1727 г. в Англии, более столетия была основной книгой по страноведению. Не утратила она актуальности и сегодня. Монографии и статьи о «кемпферовской Японии» продолжают писать и поныне.

Достоверные сведения о деятельности ранее упомянутой Санкт-Петербургской школы японского языка, созданной в 1706 г., сохранились только с 1730-х годов. Затем в надежде, что географическая близость даст шансы на установление торговли, школу перевели в Сибирь. На рубеже 1740–1750-х годов школа была в Якутске, затем в Илимске, а с 1753 г. – в Иркутске. В итоге при отсутствии реальных перспектив в развитии связей с Японией и нерентабельности государственных затрат на нее в 1816 г. школу японского языка окончательно закрыли. За годы существования ее преподавателями (японцами, «занесенными бурями» в Россию) был создан ряд рукописных словарей и пособий с сильными диалектными влияниями. В их числе – русско-японский словарь, который составил Гондза (Дамиан Поморцев, 1718–1739), точный год составления неизвестен [Новый лексикон славено-японский, 1985]⁴. Еще один рукописный словарь подготовил Андрей Татаринов (японец по отцу) в Иркутске. Благодаря губернатору в 1782 г. рукопись поступила в Академию наук в Петербурге [Лексикон русско-японский Андрея Татаринова, 1962]. После закрытия школы в Иркутске в первой половине XIX в. для японского языка в России **на полвека пришло время «полного обрыва не успевших закрепиться традиций»**. В 1850 г. при подготовке очередной миссии в Японию даже письменное послание японцам пришлось переводить «на китайский ввиду отсутствия знатоков японского языка» [Аллатов, 1991, с. 234].

В качестве ремарки к подразделу отметим тот факт, что в дело японоведения немалый вклад внесли **первые русские классики китаеведения**. Так, **Николай Спафарий** в свой отчет о миссии в Пекин 1675–1678 гг. (перед поездкой

имевший наказ с данными и по Японии на основе текста космографии) включил и «описание славного и великого острова Японского и что при нем обретается». В этом разделе содержались и комментарии по географическому положению Японии. Впрочем, точность сведений все еще была весьма условна – «славный остров Японский ... начинается против устья Амуры-реки» [Ермакова, 2005, с. 39]. Любопытно, что до отъезда в Пекин Н. Спафарий встречался со знаменитым Э. Кемпфером. Интерес к Дальнему Востоку Э. Кемпфера пробудили и развили именно беседы с Н. Спафарием в Москве. Грандиозен и вклад в японоведение **отца Иакинфа (Н.Я. Бичурина)**, пребывавшего начальником духовной миссии в Пекине в 1807–1822 гг. Занимаясь, в частности, переводом на русский язык династийных хроник старого Китая (от династии Хань до династии Цин), отец Иакинф обеспечил японоведов непревзойденными и поныне переводами разделов по Японии из этих хроник [Бичурин, 1950, с. 34–36, 44–46, 94–97; Бичурин, 1960, с. 612–614].

Становление общего классического японоведения (сер. XIX – нач. XX в.)

В целом во второй половине XIX – начале XX вв. в России наблюдался всплеск интереса к Японии во всех сферах. Пришла мода на экзотические заметки об этой стране (журналы «Вестник Европы», «Живописное обозрение», «Известия императорского русского географического общества», «Морской сборник», «Нива», «Сын Отечества», газета «Санкт-Петербургские ведомости»). Среди авторов публикаций были и

4 Этот рукописный словарь начала XVIII в. был впервые издан в Японии в 1985 г.

дипломаты, и лица, которым по воле случая довелось оказаться в путешествии по Японии.

Заключение в 1855 г. договора о торговле с Японией воплотило в жизнь устремления еще Петра I. В составе заключившей договор миссии Е.В. Путятина драгоманом был И.А. Гошкевич. С образованием духовной академии, не имея специальной языковой подготовки, еще ранее, во время пребывания в Китае, он стал блестящим переводчиком с китайского языка, а оказавшись в Японии, проявил талант в переводе уже и с японского. Вскоре, в 1857 г., в Петербурге вышел составленный им совместно с Татибана Косай первый японско-русский словарь [Японско-русский словарь, 1857]. В 1857 г. в Казани надеялись создать японскую кафедру, рассчитывая пригласить И.А. Гошкевича, но того отправили консулом в Японию, и проекту не суждено было сбыться. **Надежды на возобновление преподавания японского языка в России не оправдывались.**

С середины XIX в., начиная с буржуазной революции Мэйдзи и открытия Японии миру, в России все же активизировались процессы развития общего японоведения. Ему **еще не было присуще деление на отдельные научные дисциплины: изучение языка, истории, культуры, искусства, географии, этнографии, экономической и политической систем и принципов их функционирования.** Важным импульсом для русского японоведения стало открытие в 1854–1855 гг. Факультета восточных языков (далее – ФВЯ) в Санкт-Петербургском университете. Интересно, что вскоре, в 1863 г., на

факультете открыли кафедру истории Востока, что означало выделение предмета в отдельную научную дисциплину. **При создании факультета в середине XIX в. предполагалось скорее его практическое назначение, а не научное** – подготовка переводчиков и знатоков культуры для иностранного и военного ведомств и т.д. (Хотя к 1880-м годам востоковедение окрепло достаточно, чтобы гармонично сочетать практические и научные цели.) Споспосбствовал тому и сложившийся **тандем Факультета восточных языков и Азиатского музея** (переехавшего в 1861 г. из здания Кунсткамеры в соседний корпус). Речь идет уже о возникновении **«единого петербургского центра русского научного востоковедения»** [Кононов, 1957, с. 12–13], но возможности полноценного изучения Японии пока не было. В итоге **первое поколение русских японоведов** не имело профильного японоведческого образования. Интересно то, что среди них многие по происхождению были из семей лиц духовных (напр., И.А. Гошкевич, В.Я. Костылев, Д.М. Позднеев)⁵. Попутно следует отметить еще один прелюбопытнейший момент: «С 1890 г. была введена практика, согласно которой кроме обычных абитуриентов в вузы зачисляли офицеров армии и флота для приобретения ими познаний по одной из восточных стран и ее языку. Такие люди уже имели знания в области военных, гуманитарных и технических наук и после обучения пополняли кадры русского японоведения» [Подпалова, 1994, с. 220]. Специализация по Японии была дополнительной и временной для студентов китайско-маньчжуро-монгольского разряда.

5 В частности, монашествовал автор первой русской грамматики японского языка Д.Д. Смирнов [Смирнов, 1890]. В 1881–1883 гг. был в Японии в составе православной духовной миссии. Начатую там работу над грамматикой он завершил уже в Новгороде в 1887 г. Его научные интересы не поддержали ни церковь (в 1892 г. он сложил с себя монашеский сан), ни востоковеды (он оказался чужд всем). Не оцененная современниками, в действительности грамматика для своего времени оказалась не только первой, но и весьма передовой по своим подходам. Подробнее см.: [Алпатов, 1991].

Формально начало преподаванию японского языка на Факультете восточных языков было положено в 1870 г. (учитывая то, что японскую школу в Иркутске закрыли в 1816 г., это немалый срок для полного забвения «японоведного» образования в России). Обучение поначалу было эпизодическим. В 1870–1874 гг., до своего возвращения в Японию, занятия вел на безвозмездной основе японец Татибана Косай (Масуда Кумэдзо, Масуда Кумэдзаэмон; во крещении Яматов Владимир Иосифович). Ранее он оказал неоценимую помощь И.А. Гошкевичу при составлении упомянутого японско-русского словаря (1857 г.). С перерывами до своего отъезда на родину (дважды) преподавали в России японский Ниси Токудзиро и Андо Кэнсуке. Только с 1888 г. обучение японскому языку стало постоянным, хотя и необязательным курсом, без теоретических аспектов, благодаря японцу Куроно Ёсибуми, составившему ряд первых пособий по языку (работал на ФВЯ до ухода из жизни в 1918 г.; подробнее см.: [Алпатов, 1991, с. 236–237]). Потребовалось почти **полвека для появления на ФВЯ кафедры японского языка и словесности (учреждена в 1898 г.)**. Полноценное функционирование кафедры оказалось возможным только спустя еще 10 лет, когда на факультет в 1907–1908 гг. в качестве приват-доцента был принят В.Я. Костылев, выпускник ФВЯ с блестящим дипломатическим стажем, первый профессиональный историк Японии в России («Краткий очерк истории Японии» был издан им в 1888 г.).

Параллельно совершенно независимо продолжалось и развитие представлений о Японии страноведческого характера. Выдающийся военный географ М.И. Венюков (в 1873–1875 гг. – секретарь Императорского Русского географического общества) по итогам круго-

светного путешествия в 1869 г. опубликовал блестящее географическое и страноведческое описание Японии (переиздано в трех выпусках в 1871 г.) [Венюков, 1869; Венюков, 1871].

Важным для укрепления японоведения (и востоковедения в России в целом) стало **создание в 1899 г. Восточного института (далее – ВИ) во Владивостоке**. Институт явился новым центром востоковедения, теперь уже на Дальнем Востоке страны. Кадровый состав учреждения формировался на основе профессорско-преподавательского состава и выпускников Петербургского университета. Из числа японоведов туда были направлены Е.Г. Спальвин (первые три года учился на юридическом факультете) и Н.В. Кюннер. Первым директором института с момента основания до 1903 г. был монголовед А.М. Позднеев, занявший должность по воле императора Николая II и откомандированный из Санкт-Петербургского университета. В 1904–1906 гг. директором стал его брат, японовед Д.М. Позднеев.

Отметим, что по периодизации изучения японского языка, согласно В.М. Алпатову, время с середины XIX в. до русско-японской войны 1904–1905 гг. определено как «период страноведения». Рассматриваемый им далее этап с 1905 г. до середины 1930-х годов назван переходом к научному изучению японского языка [Алпатов, 2017, с. 17, 19]. Завершая обзор этого этапа «страноведения», приведем и его характеристику: «В России **сложился тип востоковеда ... практика-страноведа, переводчика и преподавателя...** Ставили для себя прежде всего практические задачи... Были не узкими специалистами, а «страноведами», понемногу занимавшимися всем: от природных условий до литературы, в том числе и языком... Научный уровень в целом

не был особенно высок... Переводы и компиляции западных работ не всегда высокого качества... **Именно это поколение японистов заложило основы преподавания ... в стране**» [Алпатов, 2017, с. 18]. Возможно, такая оценка излишне критична. В качестве противовеса уместно смягчить это ленинскими словами (Ленин В.И. «О государстве») о том, сколь важно не забывать основной исторической связи; не критиковать за то, что человек не дал по отношению к сегодняшним реалиям, а отмечать то, что смог дать нового для своего времени.

Значение периода до 1905 г. для японоведения очень многогранно. Во-первых, мода на японскую экзотику стала **стимулом для развития страноведения**. Во-вторых, появляются востоковедные и иные общества (с 1845 г. – Русское географическое общество; с 1846 г. – Русское археологическое общество). В-третьих, появились первые научные работы по отдельным дисциплинам и направлениям в японистике (напр., по истории Японии). В-четвертых, началось формирование круга русских японоведов.

Начало XX в. обозначило и принципиальный кризисный рубеж для русского японоведения, послуживший одновременно и импульсом для дальнейшего его развития. Это русско-японская война 1904–1905 гг. Оставляя в стороне вопрос о поражении России, обратим внимание на то, что война выявила недостаточность знаний языка, культуры, менталитета, даже просто соответствующей литературы по широкому спектру японоведной тематики. Очевидным был и недостаток кадров, пришло понимание важности серьезной подготовки по страноведению. Сказывалось и следование традиционному классическому принципу буржуазных историков, что «непредвзято...

исследовать... факты, близкие по времени, невозможно... потому **академическим и университетским японоведением не планировалось написание фундаментальных трудов по современности**» [Подпалова, 1994, с. 226]. **Негативные нюансы** периода весьма точно отметила Г.И. Подпалова: «Вначале изучение Японии... было организовано неудовлетворительно и носило недостаточно системный характер... Среди... научных и правительственных кругов существовало неверие в силы отечественной науки и преклонение перед иностранной, прежде всего немецкой... Правительство приглашало специалистов из Германии, реже – из Франции... Востоковеду... приходилось писать... работы на немецком или французском языке», чтобы не прослыть необразованным [Подпалова, 1994, с. 214]. Приведем вдобавок только один, но вопиющий пример: написанный на французском языке ученый труд Л.И. Мечникова *L'Empire Japonais* объемом почти 700 страниц, изданный в Женеве в 1881 г., остался неведомым русской публике и науке. Хотя автор известен на Западе и как «отец русской геополитики», и как открыватель новой эры в страноведении.

Японоведение между двумя кризисами (1905–1917): рост качества кадровой подготовки

Русско-японская война стала стимулом для начала нового этапа в развитии японоведения в России. Война привела к резкому всплеску в издании словарей, разговорников, учебных пособий, вернее сказать, самого широкого спектра страноведческих публикаций по Японии. Два словаря тех лет не утратили своей ценности и поныне.

Это «Японо-русский иероглифический словарь» Д.М. Позднеева [Позднеев, 1908] и «Русско-японский словарь разговорного языка» В.Я. Костылева [Костылев, 1914].

Судьбы **второго поколения русских японоведов** складывались по-разному. В 1900 г. учредили Императорское общество востоковедения. В 1905 г. А.М. Позднееву поручили создать в Петербурге «курсы востоковедения», которые были реорганизованы **в 1910 г. в Практическую восточную академию** (далее – ПВА) при Обществе востоковедения. В итоге в Петербурге появился еще один востоковедный центр, формально не имевший статуса «высшего учебного заведения», но обеспечивавший практическими знаниями, в т. ч. по современному языку. Выпускники ФВЯ Санкт-Петербургского университета и Практической восточной академии внесли немалый вклад в развитие японоведения России, Франции, Германии и США. Ряд выпускников почти одновременно заканчивали обучение и в университете, и в ПВА. В 1911 г. ФВЯ по отделению санскритской словесности окончил О.О. Розенберг, вскоре ставший известным специалистом по буддизму. К выпускникам 1912 г. принадлежали будущий академик СССР Н.И. Конрад (ФВЯ и ПВА), будущий академик ГДР М.Н. Рамминг (ФВЯ и ПВА), выдающийся лингвист Е.Д. Поливанов (историко-филологический факультет и ПВА). В 1916 г. окончили ФВЯ братья Олег и Орест Плетнеры, Н.А. Невский.

В 1909–1912 гг. преподавать (как и.о. лектора) на ФВЯ вместо ушедшего В.Я. Костылева пришел сотрудник МИД, выпускник Восточного института во Владивостоке Г.И. Доля. С 1915 г. на ФВЯ начал преподавать С.Г. Елисеев (в 1914 г. – первый иностранец-выпускник Токийского уни-

верситета). После Октябрьской революции он недолгое время находился в эмиграции во Франции, затем оказался одним из отцов-основателей японоведения в США вместе с Э. Рэйшауэром. Как уже отмечалось, **первое поколение японоведов чаще всего составляли энтузиасты-самоучки**. Даже при наличии необязательных занятий по японскому теоретические лекции отсутствовали, в дипломе японский язык мог быть не отмечен. Тем не менее руководство ФВЯ, говоря словами тех далеких лет, делало всё возможное **для «приготовления выпускников к занятию кафедры, оставления при университете для подготовки к профессорскому званию в ожидании средств от казны для длительной командировки в Японию»**. В предреволюционный период многим из вышеназванных японоведов удалось добиться шлифовки своего профессионального мастерства в стране изучаемого языка и впоследствии принести пользу науке. Однако нередко уже подготовленный и профинансированный для стажировки специалист оказывался внезапно призван другим ведомством и факультету приходилось вновь начинать с нуля. В советское же время языковые стажировки иногда были невозможны десятками лет, порой стажировка могла состояться лишь в связи с японскими концессиями на Дальнем Востоке либо даже с лагерями военнопленных (и это были варианты из лучших). В определенной степени нельзя исключать из истории русского японоведения и эмигрантские круги в Харбине, имена русских эмигрантов оставили след и в культуре Японии. Всё это следы взаимодействия культур, которые достойны пристального внимания.

По сравнению с другими направлениями востоковедения японоведе-

ние в России начало набирать силу позже (напомним, что лишь в 1855 г. был подписан договор об установлении отношений с Японией). Однако японоведению помог «опыт изучения стран Ближнего и Среднего Востока и их языков в России, опыт западного японоведения» [Подпалова, 1994, с. 231]. Развитие японоведения в Санкт-Петербурге и Владивостоке при необходимости обеспечивало **возможности кадрового обмена** и до революции, и при установлении советской власти. Успехи японоведения в Восточном институте Владивостока предопределили и великолепные библиотечные фонды (похоже, превосходившие петербургские), и обеспеченность иероглифическими наборными шрифтами, и складывание сильного коллектива японоведов. В начале XX в. преподавателями там были В.М. Мендрин, Е.Г. Спальвин, Н.В. Кюнер, трудами которых ощутимо продвинулось издание пособий по языку, истории, культуре Японии. Продолжателем их дела стал Н.П. Мацокин; научная тематика его оказалась близкой направлению лингвистических исследований Е.Д. Поливанова (связанного на раннем этапе деятельности с Петербургом/Петроградом; выпускника ПВА и историко-филологического факультета Петербургского университета). Таким образом, для японоведов России складывались **общие кадровые ресурсы, имела место кадровая ротация и совместная научно-исследовательская деятельность**. Вскоре третьим центром японоведения стала и Москва, хотя расстановка акцентов с приоритетом в сторону Москвы особо изменится к 1950-м, когда Институт востоковедения АН СССР из Ленинграда будет переведен в Москву (о чем речь далее).

От взлета к падению и к поиску новых системных устоев в японоведении (1917 г. – середина 1930-х гг.)

Если коснуться вышеупомянутой периодизации В.М. Алпатова, этот этап все еще продолжает «переход к научному изучению японского языка». Следуя же вопросу о развитии страноведения по Японии, **уместно подчеркнуть крайнюю противоречивость периода**. Для краткости отметим начавший формироваться научный мир отечественного японоведения, последовавшие серьезные кадровые потери в связи с эмиграцией из Страны Советов, мелочную регламентацию и избыточные усилия властей по реформированию системы науки и образования в 1920–1930-х годах, появление новых ориентиров в науке, сформулированных в согласии с устоями советской идеологии. Важно, что к середине 1930-х востоковедение (и **японоведение** вместе с ним) получило мощную поддержку государства, **обрело позиции одного из ключевых идеологических направлений** (каковые сохранялись в целом вплоть до «разгула перестройки» в конце XX в.).

С первых лет советской власти **японоведение столкнулось с кадровыми потерями** в связи с прямой, случайной эмиграцией (невозвращенцы), болезнями, голодом и неурядицами пришедших смутных времен. Страна Советов лишилась таких японистов, как Орест Плетнер, Сергей Елисеев, Мартын Рамминг, Василий Костылев (ум. в 1918 г.), Куроно Ёсибуми (ум. в 1918 г.) и др. Следуя увещаниям В.М. Алексеева и Н.И. Конрада, а также ввиду некоего стечения обстоятельств в 1929 г. из Японии вернулся на родину Н.А. Невский (расстрелян в 1937 г.). Предпринимаемые **усилия властей по реформам**

высших учебных заведений понятны, но они расшатывали устои кадровой стабильности, когда учреждение создавали, а через два-три года закрывали за ненадобностью или по иной причине. Так, в 1918 г. в Ташкенте и Киеве появились Восточные институты, в 1920 г. – Институты живых восточных языков (ИЖВЯ) в Москве и Петрограде, в 1921 г. – КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока) в Москве. Также в 1921 г. в процессе реорганизации ЦИЖВЯ был учрежден Московский институт востоковедения (МИВ) на базе известного востоковедного центра – Лазаревского института. С 1925 г. он стал называться МИВ им. Н.Н. Нариманова (ликвидирован в 1954 г. на фоне преобразований в востоковедении). Полноценное начало функционирования МИВ относится к 1925/1926 уч. году. Обращает на себя внимание факт, сколь **важным в те годы выделось освоение языка вместе с изучением страноведения**: в МИВ в 1925–1926 гг. было открыто пять языковых кабинетов и пять страноведческих (для будущих японоведов, таким образом, также было создано два кабинета). В Петрограде в 1919 г. создан страдавший гигантизмом Факультет общественных наук (ФОН; расформирован в 1925 г.). В 1925 г. на основе ФОН создан Ямфак (факультет языкознания и истории материальной культуры); в 1929 г. он переименован в ФИЛ (историко-лингвистический факультет); в 1930 г. он превратился в ЛИЛИ (Ленинградский историко-лингвистический институт); в 1933–1935 гг. известен уже как ЛИФЛИ (Ленинградский историко-философско-лингвистический институт). В итоге он вошел в состав четырех факультетов Ленинградского университета в 1936 г. Приведенный список неполон; да и в других городах страны все

происходило примерно по той же схеме. В таких условиях поступательное развитие японоведения вряд ли было возможно. В итоге в 1938 г. в Ленинграде осталось единственное место, где можно было рассчитывать на восточное образование, – филологический факультет университета (строго говоря, это относится к следующему этапу периодизации); а ЛВИ (Ленинградский восточный институт им. А.С. Енукидзе; до 1927 г. – ЛИЖВЯ) включили в состав Московского института востоковедения.

Материальное и финансовое благополучие востоковедов также вызывало вопросы. Недаром проблема сохраняла остроту до перестройки, да и поныне решение его не стоит на повестке дня. В 1970–1980-х автору этих строк приходилось лично слышать рассуждения старших преподавателей-библиотекарей: «Прежде в востоковеды шли из дворян ли, духовенства; пусть не слишком обеспеченные, но не обреченные вечно думать, как накормить семью; хоть плохонькая рента, но частенько она у них была». При этом потребность в востоковедах оставалась насущной. Кадровые ресурсы требовались НКВД (ОГПУ), МИД и иным ведомствам. Вскоре удалось отчасти подготовить и сформировать новый кадровый состав, а в какой-то мере привлечь к работе профессионалов, подготовленных еще в рамках прежней системы образования, до революции.

В целом период с 1917 г. до второй половины 1930-х годов **стал временем становления марксистского японоведения как науки**, которая опиралась на фундамент, заложенный профессионалами-японоведами на рубеже веков. На этнолого-лингвистическом отделении Факультета общественных наук Петроградского университета с 1922/1923 уч. года **«существует японоведение и как**

особая отрасль востоковедения, и как специальная область университетского преподавания» [Петрова, 1960, с. 50] (предполагая преподавание силами Н.И. Конрада и Н.А. Невского, хотя последний вернулся из Японии позже). Появляются новые труды по японоведению: в 1925 и 1926 гг. изданы первые марксистские очерки по японской истории Ол.В. Плетнера и К.А. Харнского. В 1939 г. Е.М. Жуков опубликовал краткий очерк истории Японии, построенный уже полностью на базе марксистских установок советской науки. Значимый вклад в японскую лингвистику (включая теоретическую) в эти годы внесли Е.Д. Поливанов, Ол.В. Плетнер, Н.П. Мацокин, А.А. Холодович. В 1917 г. появилась «поливановская транскрипция» для записи японских слов на кириллице, стоящая вне любой конкуренции поныне. Е.Д. Поливанов как выдающийся лингвист способствовал реконструкции прапояпонской языковой системы, выяснению происхождения японского языка, стал одним из основателей социолингвистики.

К концу 1920-х годов начинает складываться **новое поколение советских японоведов**. Лингвист А.А. Холодович (выпускник Ленинградского университета, 1927 г.; начал преподавать с 1932 г.) внес заметный вклад в изучение старописьменного языка бунго, синтаксиса и грамматики. С 1930-х и до 1940–1950-х годов в японоведении довлело стремление следовать эталонам русификации, русского понятийно-терминологического аппарата (в лингвистике, в истории Японии и т.д.; впрочем, это было тогда чертой всей отечественной науки). Е.М. Жуков (выпускник Ленинградского восточно-

го института, 1927 г.) начал преподавать историю Японии уже с 1929 г. Вели преподавательскую работу в Ленинградском университете **одновременно и японоведы старшего поколения**: Н.И. Конрад, Н.А. Невский, Н.В. Кюнер. С 1932 г. курсы по грамматике начал вести А.А. Холодович; с 1932 г. курс истории Японии начал вести Д.И. Гольдберг. В университете появляется ряд новых преподавателей: О.П. Петрова (с 1933 по 1942 г.), Е.М. Колпакчи (выпуск 1923 г., преподавал с 1937 г.), Я.Б. Радиль-Затуловский (с 1933 г.), М.Ф. Хван (с 1934 г.), Е.М. Пинус (с 1939 г.). При этом восстановление кафедры японской филологии на филологическом⁶ факультете Ленинградского университета имело место только в 1937 г.; ее возглавил Н.И. Конрад (в 1940 г. его сменил А.А. Холодович).

Превращение востоковедения в **одно из ведущих направлений советской науки** оказалось связано с двумя документами 1929 и 1934 гг. В 1929 г., исходя из опыта работы на Востоке МИД и Коминтерна, была подготовлена «Декларация о задачах востоковедной науки». Восток воспринимался как очаг будущих революций. Соответственно, у востоковедения сразу появились перспективы. Именно следуя Декларации, было принято решение в Ленинграде учредить Институт востоковедения АН СССР, которому передали фонды Азиатского музея (Кунсткамеры). Поле деятельности для востоковедения оказалось огромным: создание письменности для республик Востока, составление фундаментальных словарей. Отчасти итогами этого решения (пусть и проявившимися спустя десятилетия) можно считать начало работ

6 Пока еще в рамках филологического факультета; решение руководства о восстановлении Восточного факультета было принято только в 1944 г. Впрочем, и это (создание кафедры в рамках хотя бы филологического факультета) было уже весьма позитивно после чреды бесконечных реорганизаций в первые два десятилетия советской власти.

по составлению 4-томного китайско-русского словаря (издан в начале 1980-х), 4-томного монгольско-русского словаря (вышел в 2000-х годах). Японоведы подготовили издание в 1970 г. непревзойденного и поныне двухтомного японско-русского словаря под редакцией Н.И. Конрада (регулярно переиздается в Японии). Это лишь самые значимые примеры; понятно, что иных словарей и научных достижений было предостаточно.

В 1934 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома (СНК) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Таким образом, был создан дополнительный стимул для усиления внимания к преподаванию и изучению истории, культуры, географии, экономики, политики, языка, страноведения по колониальным и зависимым странам (во имя «грядущего освобождения их от колониального ига империалистов»). В итоге **востоковедение, история и страноведение превратились в ключевые идеологические дисциплины**, развитие которых стало приоритетным для государства. Пережив послереволюционное восстановление, японоведение смогло усвоить каноны существования в новой системе ценностей и научиться жить с ними.

Шпиономания репрессий и героика профессионалов науки военных лет (1937–1945)

Два десятилетия советской власти, шлифовка приоритетов и восприятие новой идеологии смогли обеспечить подготовку новых кадров в японоведении и продвинуть на новый уровень издания научной, учебной и идейно-политической литературы. По перио-

дизации В.М. Алпатова, **время с 1937 по 1950-е годы относится к русификации в японоведении**⁷. Однако в нашем случае предполагается более дробное деление, с учетом специфики 1937–1945 гг. как отдельного этапа. **Лекции, политинформации, политпропаганда, идейно-воспитательная работа и спецпропаганда становятся характерными чертами предвоенного и военного периодов.** В 1937–1938 гг. чуть окрепшие за двадцать лет новой власти ряды японоведов «выкосили» репрессии НКВД (ОГПУ). Невзирая на сиюминутное высокое положение, пострадали и те, кто трудился в высоких эшелонах власти и даже в составе этих органов. **В середине 1930-х годов были оборваны жизни виднейших ученых-японистов**, голословно обвиненных в шпионаже, срочно и тайно расстрелянных. Д.М. Позднеев, Е.Д. Поливанов, Н.А. Невский, А.И. Иванов, К.А. Харнский, Н.П. Овидиев, А.А. Лейферт, Т.С. Юркевич, П.С. Ануфриев и многие другие погибли – около двадцати японоведов Москвы и Ленинграда, половина кадрового состава. Полный список репрессированных не представляется возможным привести [Васильков, Сорокина, 2003]. В Петербургском университете остался лишь А.А. Холодович (включая период эвакуации кафедры в Саратов во время войны). Под арестом оказались Н.И. Конрад, Е.М. Колпакчи, А.Е. Глускина, В.М. Константинов, Г.Г. Иммерман, А.Л. Клетный, К.А. Попов, М.С. Цын, С.Ф. Зарубин, И.Л. Иоффе и др. [Алпатов, 1994]. В канун 1937/1938 уч. года начались аресты в Дальневосточном университете (бывш. Восточный институт), под которые попали К.А. Харнский, Н.П. Овидиев, К.П. Фёклин, З.Н. Матвеева, И.Т. Быкова, Е.Г. Нельгина,

7 Бесспорно, следует учитывать и более поздний период, влияние «сталинского учения о языке», обозначенное публикацией в газете «Правда» работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» в 1950 г.

М.Н. Вострикова. «Кафедра японского языка опустела, некому было преподавать» [Ермакова, 2016, с. 63]. Среди пострадавших были даже авторы пособий и словарей по военному переводу. Страна готовилась к большой войне, японоведение продвигалось вперед, но самих японоведов нещадно уничтожали, невзирая на заслуги (впрочем, это касалось всех слоев советского народа).

Специфику периода **вновь определяла массовая утрата кадров**, происходившая на фоне окончательного и бесповоротного утверждения нового, марксистско-ленинско-сталинского японоведения (как бы это ни звучало). По-новому строилось изучение языка и литературы, тем более истории. Издаваемые материалы пропагандистско-идеологического направления были повсюду – от агитационных плакатов до сатирических журналов и информационных брошюр (впрочем, они были по-своему великолепны, воспитывая искренний патриотизм и продвигая страну вперед). Ведущие позиции в японоведении закрепились за сравнительно молодым поколением японистов Ленинграда. Крут научных интересов Н.И. Конрада затрагивал язык и литературу, распространяясь, впрочем, до культуры и истории. Как уже говорилось выше, в 1939 г. Е.М. Жуковым был издан очерк истории Японии на основе марксистского мировосприятия [Жуков, 1939]. История Японии стала самостоятельной научной дисциплиной в полном соответствии с духом решений партии и правительства 1929 и 1934 гг. Именно Е.М. Жуков смог сконцентрироваться на **отточенном применении марксистского подхода к истории**. Оба автора впоследствии стали академиками; их труды, энциклопедические статьи не теряют своей ценно-

сти и поныне. В эти годы появилось множество новых книг, пособий, словарей. Нужно обратить внимание на появление в 1944 г. «Краткого японо-русского иероглифического словаря» под редакцией Г.О. Монзелера и Г.Г. Туманова (подготовлен на основе англоязычного словаря А. Роз-Иннеса). СССР продолжал готовить кадры для борьбы с Квантунской армией Японии, а после 1945 г. в стране появилась работа, связанная со значительным контингентом японских военнопленных. Уникальность изданий того времени – в учебниках с иероглификой, транскрипцией, переводом слов и переводом всего текста на русский язык. Ценность их очевидна для японистов. В научных работах также широко использовали типографский иероглифический наборный шрифт. Типографские комплекты иероглифики были утрачены в СССР ближе к 1960-м годам, а возвращение иероглифики в издания произошло лишь к концу 1990-х, благодаря компьютерным технологиям. В период с 1960-х до второй половины 1990-х годов иероглифика в изданиях прописывалась от руки, а далее издание множилось копировальным способом.

Впрочем, как и на предыдущем этапе, руководство СССР уделяло много внимания делам переводческим, страноведению, востоковедению (и японоведению в том числе), военному переводу. Еще в 1920 г. при Академии Генштаба РККА было учреждено Восточное отделение (впоследствии – Восточный факультет, Специальный факультет при Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе)⁸. 21 мая 1929 г.⁹ Реввоенсовет СССР установил звание **«военный переводчик»** для начсостава РККА. Сегодня мы отмечаем эту дату как День военного переводчика. В за-

8 Акт о капитуляции Японии в 1945 г. с нашей стороны подписывал генерал К.Н. Деревянко, выпускник Восточного факультета Военной академии имени Фрунзе (1936 г.).

9 Тут следует вспомнить упомянутую ранее «Декларацию о задачах востоковедной науки» того же 1929 г.

висимости от ситуации продолжительность сроков обучения могла варьироваться. В «горячие» периоды истории даже высшие учебные заведения часто вынужденно обращались к обучению в режиме краткосрочных курсов продолжительностью два-три года. Такой подход оказывался оправданным до окончания Второй мировой войны. К предвоенным годам восходит основание новых учебных заведений в Москве. Во-первых, Военный институт иностранных языков (ВИИЯ, просуществовал с 1940 до 1994 г.¹⁰, хотя название многократно менялось). Его история началась в 1940 г., когда при Втором Московском государственном педагогическом институте иностранных языков был создан военный факультет.

Во-вторых, в годы войны была создана Военно-дипломатическая академия. Отметим, что три первых ее начальника (до 1957 г.) были выпускниками Военной академии имени Фрунзе. Стоит упомянуть также и открытие военного факультета в 1940 г. при Московском институте востоковедения (в годы эвакуации включен в состав ВИИЯ).

В военные годы многие учреждения Москвы и Ленинграда направили в эвакуацию. Московский институт востоковедения выехал в Фергану, военный факультет МИВ – в Ставрополь (Куйбышевская обл.), Институт востоковедения АН СССР из Ленинграда – в Ташкент. Тяжелая блокада Ленинграда для одних означала эвакуацию, но для многих работа продолжалась. Трудились на местах хранители коллекций Эрмитажа и Кунсткамеры, других музеев; не прекращалась деятельность первой в стране Публичной библиотеки Ленинграда, иных учреждений в условиях голода, отсутствия тепла, водоснабжения,

электричества, под бомбежками и арт-обстрелами. Эвакуация части сотрудников научных учреждений из Ленинграда подготовила базу для принятия в 1950 г. решения о переводе в Москву академического Института востоковедения (в Ленинграде остался филиал); формировалась мотивация и для того, чтобы ведущим в японоведении (и востоковедении) центром стала столица – Москва.

Комплексные достижения японоведения, проблемный подход в исследованиях, издание источников и памятников (1945–1985)

В послевоенный период **Москва превратилась в ведущий центр японоведения СССР** (в первой половине XX в. таковыми можно было считать Ленинград и Владивосток). Как уже упоминалось, в 1950 г. из Ленинграда в Москву был переведен Институт востоковедения АН СССР (вместе с основными книжными фондами); в том же году в его состав ввели Тихоокеанский институт АН СССР. Помимо других академических институтов и крупных библиотек – например, ИДВ (осн. в 1966 г.), ИМЭМО (осн. в 1956 г., истоки – с 1925 г.), ИНИОН (осн. в 1969 г., истоки с 1918 г.), ВГБИЛ (осн. в 1924 г.) и др. – с 1950-х годов в Москве развивается ряд профильных учебных заведений, где ведется подготовка японоведов (и востоковедов в целом): ИСАА при МГУ, МГИМО и др. Значение столичного японоведения усиливалось и в связи с широкими возможностями: здесь располагались руководя-

10 В 1949 г. ВИИЯ окончил как «переводчик с английского и японского языков» А.Н. Стругацкий (один из переводчиков на Токийском процессе), впоследствии ставший выдающимся писателем-фантастом.

щие органы, министерства, СМИ, исследовательские институты, издательства и т.д. Росту квалификационного уровня способствовали растущие возможности стажировок. В других городах СССР (Хабаровске, Новосибирске, Одессе, Киеве и т.д.) тенденции к распространению японоведных исследовательских и образовательных проектов еще только начинали намечаться; многое проявилось позже, с наступлением перестройки, включая и резкий рост частных учебных заведений, который при социализме не могло быть.

В 1944 г. был создан **Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)**, тесно связанный с МИД и преобразованный из Международного факультета МГУ. В 1954 г., по принятии волонтеристского решения о расформировании МИВ, последний был включен в состав МГИМО. Эту череду трансформаций завершили в 1958 г., когда в состав МГИМО был включен Институт внешней торговли, основанный в Ленинграде в начале 1930-х годов. Далее в МГУ в 1956 г., при опоре на соответствующие отделения филологического и исторического факультетов, был создан Институт восточных языков (ИВЯ), который в 1972 г. переименован в **ИСАА при МГУ** (Институт стран Азии и Африки). В 1962 г. в ИСАА была создана кафедра японской филологии, а в 2003 г. – кафедра истории и культуры Японии.

Для японоведов Ленинграда важной вехой стало **воссоздание в 1944 г. Восточного факультета ЛГУ** (с 1919 г. его деятельность прервалась ввиду революции и последовавших системных реорганизаций). С того же года появилась кафедра истории средневекового и нового Востока. В 1949 г. на восточный факультет с исторического перевели кафедру истории колониальных и зависимых стран. При переходе в веде-

ние восточного факультета были сформированы три исторические кафедры: Древнего, Ближнего и Дальнего Востока. На кафедре истории стран Дальнего Востока отвечали также за преподавание истории, культуры, географии, этнографии, экономики Японии. Руководство японской историей было связано с Д.И. Гольдбергом; его усилиями были привлечены Н.В. Кюнер и Л.В. Зенина (проработала свыше 65 лет). Среди временных сотрудников были М.В. Воробьев и многие другие. Кафедру японской филологии возглавлял А.А. Холодович (1940–1953). Среди преподавателей были Е.М. Колпакчи, О.П. Петрова, Е.М. Пинус, Я.Б. Радуль-Затуловский, А.А. Бабинцев, Г.Д. Иванова, Д.П. Бугаева, Г.Н. Максимова и др. Многие выпускники кафедры стали известными переводчиками: В.Н. Маркова, Р.Г. Карлина, И.Л. Львова [*Петрова*, 1960]. Широко известен трехтомный перевод старинной стихотворной антологии Манъёсю, выполненный А.Е. Глускиной (также из ленинградских японоведов); на выполнение этого titanicского труда она потратила почти четверть века. В 2008 г. кафедра японской филологии была реорганизована в кафедру японоведения; в ее состав вошли также преподаватели по истории и культуре Японии. После А.А. Холодовича заведующими кафедрой были О.П. Петрова (1953–1960), Е.М. Пинус (1960–1982), В.Н. Горегляд (1982–2002), В.В. Рыбин (2002–2014); в настоящее время – А.В. Филиппов.

Вторая половина XX в. проявилась в японоведении **усилением проблемного подхода к исследованиям** (от прежде нередко довлевшего описательного метода). Важной составляющей периода стало и создание **комплексных обобщающих исследований** на основе массы накопленного ранее материала. Стабильность в деятельности учебно-научных и академических заведений

(особенно после хрущевской оттепели) гарантировала **поступательность в научной, издательской и образовательной сферах**. Научная и преподавательская работа была привлекательной, уважаемой в социалистическом обществе. Рост по карьерной лестнице в этой сфере (кандидатская и докторская диссертации) гарантировал работникам уверенность в завтрашнем дне. Краткосрочных контрактов на пару лет для научно-преподавательских кадров и погони за грантами советский режим не ведал, опираясь на систему долгосрочного планирования в сфере науки и образования. Уровень выпускников советских вузов тогда заслуженно признавался весьма высоким во всем мире. Обучавшиеся в Москве и Ленинграде студенты из «стран народной демократии» (как называли социалистический лагерь) стали основателями японоведения в Болгарии, Восточной Германии, Польше, Чехословакии, Монголии, Вьетнаме, Финляндии, на Кубе... Ныне японоведы из России трудятся по всему миру, включая Японию, США и т.д. Не ощущалось и гонки за рейтингом с публикациями на иностранных языках (как уже было в стране до Октябрьской революции), хотя труды Я.Б. Радуль-Затуловского, словари под редакцией Н.И. Конрада издавались в Японии. По вышеназванным причинам появились возможности для масштабной и плановой **публикации источников, литературных памятников, аналитических исследований** по культуре, искусству, экономике и политике. Консерватизм в издательском деле нервировал авторов, но зато советский период отличало высочайшее профессиональное качество изданий (редактура, авторская ответственность, логика изложения). Впечатляют два важнейших словаря, полученных отечественными японистами. В 1956 г. вышло первое издание «Японско-русского учебно-

го словаря иероглифов», подготовленное Н.И. Фельдман-Конрад. В 1970 г. завершилась изданием упоминавшаяся эпохальная работа над двухтомным «Большим японско-русским словарем» под редакцией Н.И. Конрада. Весьма основательно шла работа и над переводами на русский язык с последующим изданием книг зарубежных японоведов.

Перечислять в деталях всё нерезально, приведем пример по географии Японии. В 1949 г. в переводе на русский язык появилось великолепное объемное издание «Япония: физическая и экономическая география», изданная в США Г. Тревартой в 1945 г. [*Треварта*, 1949]. Работы такого рода – штучный товар. Из самых значимых трудов за всю историю хочется назвать также уже упомянутую выше «Географию Японии» М.И. Венюкова (1869–1871) и «Социально-экономическую географию Японии» под редакцией И.С. Тихоцкой [*Тихоцкая*, 2016]. И каждая из этих трех книг уникальна и незаменима. Если коснуться права Японии, важно вспомнить о трудах В.Н. Ерёмкина. Иной пример по японскому языку – издание в 1958–1959 гг. уникальной и поныне двухтомной грамматики японского языка Киэда Масуити в переводе на русский. Значимых высот во второй половине XX в. достигли ученые, занимавшиеся японским языком и литературой: А.А. Холодович, А.А. Пашковский, Н.А. Сыромятников, И.Ф. Вардун, И.В. Головин, С.А. Старостин, В.М. Алпатов. Были изданы фундаментальные труды по современной и исторической грамматике японского языка. Во второй половине XX в. российское японоведение весомо продвинулось в целом ряде научных направлений. Это этнография и религиоведение (С.А. Арутюнов, Г.Е. Светлов, Н.Н. Трубникова и др.), история (А.Л. Гальперин, Г.И. Подпалова, П.П. Топеха, Х.Т. Эйбус и др.),

экономика (Я.А. Певзнер, В.А. Попов, В.Б. Рамзес, В.Н. Хлынов, И.Л. Тимонина и др.), политика (С.И. Вербицкий, Д.И. Гольдберг, Л.Н. Кутаков, И.А. Латышев, Д.В. Петров, К.О. Саркисов и др.), культура (Т.П. Григорьева, Л.Д. Гришелева, Н.А. Иофан, Н.И. Чегодарь и др.). Японоведение, страноведение по Японии во всем комплексном многообразии отдельных дисциплин стабильно, успешно и многообещающе развивалось вплоть до перестройки. Наступление же новых времен, перестройки и «лихих девяностых» очертило ряд проблем и неожиданных тенденций.

«Перестроенный» мир японоведов и наступивший XXI век (японоведение на рубеже веков)

Строго говоря, для обозначенного периода уместно обозначить два этапа (перестройка и перемены мира японоведов сегодня). Попробуем отказаться от резкой градации и очертим этот период в комплексе, отмечая позитивные моменты и вызывающие волнение. Исходя из фразы «большое видится на расстоянии», напоминая о том, как некогда историки не желали заниматься современностью (см. выше), обратимся к воссозданию образа японоведения последних трех десятилетий в дуалистическом видении. Начавшаяся в 1985 г. перестройка коренным образом повлияла и на тенденции в японоведении. Можно говорить о росте квалификации благодаря свободе контактов и стажировок. Но имеет место и снижение кадровой обеспеченности. Приведем очень точные слова В.М. Алпатова: **«Где-то мы, пожалуй, возвращаемся (разумеется, на гораздо более высоком уровне и со значительно большей массовостью) к ситуации более чем столетней давности,**

когда преобладал практический уклон. Конечно, надо учитывать большие возможности, которые в наше время дает практическая работа» [Алпатов, 2017, с. 28]. За этой фразой стоит очень многое. В условиях перестройки многие, включая японистов, стремились уехать на работу в другие страны (часто чтобы найти средства на жизнь). Когда речь идет об изучаемой стране (для страноведа) – более чем понятно. Но отечественное японоведение от этого сильно пострадало. Многие зрелые японисты отправались и в другие земли: Австралию, Гавайи, материковую часть США, Скандинавию, Италию (список можно продолжить). Новые выпускники-японисты также часто становятся «невозвращенцами», как сказали бы раньше. Нехватка национальных кадров налицо. Есть и другие грани. Финансовая нестабильность и отсутствие плановости в реформах научно-преподавательской сферы сперва привели к отсутствию желания поступать в аспирантуру. И хотя чуть позже (по итогам реформ в защите диссертаций на рубеже 2000-х годов) желание идти в эту сферу наметилось, о стабильности и плановости пока говорить чересчур сложно. Добавляет проблем и погоня за уже упоминавшимися рейтингами; плюс тот факт, что пропагандируемая «цифровизация» призвана не на службу профессионалам, а на отъем времени для мнимого подъяема квалификации либо заполнения форм с крестиками и галочками. Повышение квалификации при советском режиме позволяло ученым закончить диссертацию, монографию, написать учебник либо учебные пособия. Зарубежные среднесрочные стажировки также были вполне с этим согласуемы. Итоги перестройки и ее последствий пока не обеспечили гармонизации этих вопросов в сегодняшних условиях. **Под практической работой (синхронистом, гидом, консультантом, лектором на стороне,**

литератором) и ее «плюсами» подразумевается и финансовая стабильность, и, конечно, больше возможностей «состояться в профессии» – более глубокое и разностороннее знание языка и своего предмета. Японист-практик имеет больше возможностей обеспечить себя легальным программным обеспечением, современными гаджетами, литературой и информацией. Условия пандемии последних лет не означали (и нереальность этого понятна), что появится возможность обеспечения студентов и преподавателей электронными средствами связи и т.д. Издательская деятельность последних лет показала расширение спектра печатных изданий вместе с диверсификацией их информационной и научной ценности. Многие издания отличались низким уровнем (а иногда и отсутствием) редакционной подготовки, особенно в первые перестроечные годы.

Тем не менее с начала 2000-х годов в японоведении наметились позитивные тенденции. Стали возвращаться в Россию с новым опытом, новыми исследованиями японоведы, которые много лет провели в Японии и других странах. Издательская деятельность вышла на другой уровень. К подготовке монографий чаще привлекают авторский коллектив из разных учреждений – это положительно влияет на уровень издания. Авторские учебные и научные издания также заслуженно снискали уважение, например учебники Л.Т. Нечаевой, Т.М. Гуревич, Т.И. Бреславец, В.И. Подлесской, С.В. Чиронova; коллективные монографии под редакцией Д.В. Стрельцова, книги А.Н. Мещерякова, труды по истории А.Ф. Прасола (построенные почти исключительно на японском материале, напоминающие этим очерк истории В.Я. Костылева, появившийся более столетия назад) и многое-многое другое. Сложились новые научные коллективы и школы. Если

ранее в Петербурге обучение на японоведение было возможно в ЛГУ и в Институте культуры, где с 1971 г. японоведением руководит И.И. Басс (с 1982 г. официально заведует кафедрой), то сейчас речь идет о целом ряде государственных и частных учебных заведений. Такая же ситуация в Москве: на этом «поле» работают ИСАА при МГУ, МГИМО, РГГУ, НИУ ВШЭ, Институт иностранных языков МГПУ. Необходимо отметить активное развитие и взаимодействие ряда центров японоведения по всей стране: в Москве, Петербурге, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке и др. На развитие японоведения ощутимо важное влияние оказывают укрепление контактов и обмен опытом японоведов разных городов и организаций, проведение совместных конференций и симпозиумов. Именно тогда появляется возможность осознать размах японоведения как широкой сферы, соединяющей ряд конкретных научных направлений. Нужен вклад каждого учреждения (не только учебных, но и музеев, библиотек, академических институтов): Кунсткамеры и Эрмитажа, Музея Востока и Музея истории религии, Института востоковедения и Института восточных рукописей РАН, РГБ (Библиотеки им. Ленина) и РНБ (Публичной библиотеки в Петербурге), «иностранки» ВГБИЛ и ИНИОН. Уже говорилось, что даже перечислить всех действующих сегодня японоведов нереально. И все же назовем ряд не упомянутых еще имен (их обмен опытом служит японоведению в целом). Это М.И. Амара (Савинцева), Л.Г. Арешидзе, Ю.Г. Благодер, А.М. Боголюбов, С.А. Быкова, Е.Э. Войтишек, М.В. Грачёв, С.В. Гришачёв, В.Г. Дацышен, А.А. Егорова, Л.М. Ермакова, И.С. Ибрахим, Е.Л. Катасонова, В.О. Кистанов, В.В. Кожевников, М.И. Крупянко, С.И. Кузнецов, А.Е. Куланов, В.Л. Ларин, И.П. Лебедева, С.Б. Маркарьянц, М.Н. Носов, Е.М. Османов, А.Н. Панов, Ю.С. Пестуш-

ко, П.Э. Подалко, С.А. Полхов, А.А. Речкалова, И.Р. Савельев, А.В. Савельева, Е.К. Симонова-Гузденко, А.Ю. Синицын, У.П. Стрижак, Д.А. Суровень, С.А. Толстогузов, М.В. Торопыгина, В.А. Федянина, А.Г. Фесюн, Л.Ю. Хронопуло, С.В. Чугров, С.В. Шандыба, Я.А. Шулатов и др. Значительно помогает укреплению японоведения сегодня деятельность Ассоциации японоведов (председатель – Д.В. Стрельцов), Посольства Японии и Генеральных консульств Японии, Японского фонда, «Обществ дружбы Россия – Япония» и японских центров. Для примера: в Санкт-Петербурге с 2001 и 2003 гг. регулярно проходят фестивали японской весны и японской осени. Важно, что в стране появились даже средние школы, где дети изучают японский язык.

Вспомним снова слова В.М. Алпатова, что «мы снова близки к ситуации в японоведении, что была столетие назад, хотя и на другом уровне». Свое изложение этапов изучения японского языка в России он завершил вполне позитивно: «И всё же, всё же... Но будем надеяться на лучшее» [Алпатов, 2017, с. 28]. Ситуация с пандемией многое осложнила и в мире японистов. Пусть набравшее силу японоведение в России сможет классическую традицию сохранить, развить и преумножить, укрепляя контакты с японоведами планеты и японскими городами-побратимами, развивая дружбу с Японией, взаимопонимание наших двух народов. Сбережем наше классическое образование во всей его полноте и широте, не забывая впитывать то современное, что несет нам жизнь сегодня.

Список литературы

- Алпатов В.М. (1988). Изучение японского языка в России и СССР. М.: Наука; ГРВЛ.
- Алпатов В.М. (1991). Японский язык в России во второй половине XIX в. (к столетию со дня выхода первой русской грамматики японского языка) // Япония. 1989: Ежегодник. М.: Наука; ГРВЛ. С. 234–241.
- Алпатов В.М. (1994). Репрессированные японисты // Япония. 1991–1992: Ежегодник. М.: Наука; ГРВЛ. С. 310–319.
- Алпатов В.М. (2017). Этапы изучения японского языка в России // Стрельцов Д.В. (ред.) Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века. М.: АИРО-XXI. С. 15–30.
- Алпатов В.М. (2020). Актуальные вопросы изучения японского языка в настоящее время // Япония XXI Nova: эра и век [Вопросы японоведения № 8]. СПб.: Art-xpress. С. 12–23 // https://orient.spbu.ru/images/knigi/JP-NOVA-XXI__era_vek_2020.pdf, дата обращения 20.12.2021.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф) (1950). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л.: АН СССР.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф) (1960). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары: Чувашское государственное издательство.
- Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. (ред.) (2003). Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение.
- Венюков М. (1869). Очерки Японии М. Венюкова с картою. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- Венюков М. (1871). Обзорение Японского Архипелага въ современномъ его состоянии. Сочинение М. Венюкова. Вып. 1–3. Берлин; СПб.: Скоропечатня Ю.О. Шрейера.
- Гальперин А.Л. (1960). Изучение истории стран зарубежного Дальнего Востока // Очерки истории историче-

ской науки в СССР. Т. 2. М.: АН СССР. С. 533–547.

Ермакова Л.М. (2005). Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры.

Ермакова Э.В. (2016). Трагедия преподавателей-японистов Дальневосточного университета в 30-е годы XX в.: Николай Петрович Овидиев (1891–1938) // Лещенко Н.Ф. (ред.) История отечественного японоведения в портретах. М.: Восточная литература. С. 61–67.

Жуков Е.М. (1939). История Японии. Краткий очерк. М.: Соцэкгиз.

Комаровский Г.Е. (2005). Записки япониста. М.: Серебряные нити.

Кононов А.Н. (1957). Восточный факультет Ленинградского университета (1855–1955) // Вестник ЛГУ. № 8. Серия истории, языка и литературы. Выпуск 2. С. 5–22.

Кононов А.Н. (1960). Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. М.: ИВЛ.

Костылев В.Я. (1888). Очерк истории Японии, составленный В. Костылевым. СПб.: Типография В. Безобразова.

Костылев В.Я. (1914). Русско-японский словарь разговорного языка. Составил В.Я. Костылевъ, бывший консуль въ Нагасаки. СПб.: Типография В.Д. Смирнова.

Латышев И.А. (2001). Япония, японцы и японоведы. М.: Алгоритм.

Лексикон русско-японский Андрея Татаринова (1962). М.: ИВЛ.

Лещенко Н.Ф. (сост.) (1998). Российские востоковеды. Страницы памяти. М.: Муравей.

Лещенко Н.Ф. (ред.) (2016). История отечественного востоковедения в портретах. М.: Восточная литература.

Новый лексикон славено-японский. 新スラヴ・日本語辞典 (Shin Slav-Nihongo jiten) (1985). Токио: Наука.

Петрова О.П. (1960). Кафедра японской филологии // Востоковед-

ние в Ленинградском университете. Ученые записки ЛГУ. № 296. Серия востоковедческих наук. Выпуск 13. Л.: ЛГУ. С. 45–57 // https://spbu.ru/sites/default/files/vostokovedenie_v_leningradskom_universitete_1960.pdf, дата обращения 21.12.2021.

Подпалова Г.И. (1994). Русское японоведение в XVIII – начале XX в. // Япония. 1991–1992: Ежегодник. М.: Наука. С. 209–231.

Позднеев Д.М. (1908). Японо-русский иероглифический словарь (по ключевой системе). Токио: Тэйкоку инсацу кабусики кайся.

Смирнов Д.Д. (1890). Руководство к изучению японского языка. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К°.

Стрельцов Д.В. (ред.) (2017). Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века. М.: АИРО-XXI.

Тихоцкая И.С. (ред.) (2016). Социально-экономическая география Японии. М.: Аспект Пресс.

Треварта Г.Т. (1949). Япония: физическая и экономическая география : Сокр. пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы.

Филиппов А.В. (2018). Введение в специальность: история Японии (Учебно-методическое пособие). СПб.: ЛЕМА.

Харнский К.А. (1924). Восточный институт и востфак за 25 лет и после. Восточный институт перед революцией // Красное знамя. 29.11.1924.

Японско-русский словарь, составленный И. Гошкевичем при пособии японца Тацибана но Коосай (1857). СПб.

Philippov A.V. (2020). A retrospect to bygone printed rarities on Japan and its history in old Russian historiography // Topical Issues around Studies of History, International Relations and Cultures of Eastern Countries. Conference papers, Novosibirsk: NSU, pp.145–157.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-5

Japanese Studies in Russia: From Its Classical Origins to the Winds of Changing Trends

Alexander V. PHILIPPOV

DSc in History, Professor

Saint Petersburg State University, 199034, Universitetskaya Emb., 7–9,

Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: PhilAlex2005@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9894-8304

CITATION: Philippov A.V. (2021). Japanese Studies in Russia: From Its Classical Origins to the Winds of Changing Trends. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 6, pp. 92–116 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-5

Received: 28.11.2021.

ABSTRACT. *The article deals with the analysis of Japanese studies evolution in Russia and its key milestones on the base of problem-oriented historical approach since the very start in the late 17th century. The development of area studies on Japan in Russia was determined by many factors, such as geopolitics, domestic and foreign policy, socio-economic changes in all public authorities. Russian Japanology is presented as a complex science that has incorporated a number of scientific areas (language, history and culture, literature and art, ethnography and ethno-psychology, geography, economics, and politics). The Japanology specificity in Russia is the preservation of the unity and integrity of Japanese studies as a sign of respect for the classical traditions of Oriental studies.*

Among the main stages of development, the author considers the origins of Japanese studies in Russia, starting from the 17th century, the formation in the classical form at the turn of the 19th-20th centuries, the crisis lines of 1905, 1917, 1937-1938. The next two stages, marking the completion

of the review, can be considered as signs of certainly impressive results in scholarly publications for the Russian Japanese studies. The comprehensive analysis that had appeared in the scholarly works and literary translations of Russian Japanology scholars (from the mid-forties till perestroika-time, 1945-1985) was the result of a well-planned policy to promote Oriental studies based on a stable ideology and regular funding. The names of the most prominent scholars, twists and turns of their life activities and achievements are widely presented. The essay concludes with an overview of the situation at the turn of the XX-XXI centuries, touches on the pros and cons that emerged in Japanese studies at the post-Soviet stage.

KEYWORDS: *history of Japanese studies, the first scholars in Japanology, Japanese language school, historiography on Japan, practice in Oriental studies, oriental department, Vassily Kostylev, Dmitry Pozdneev, Nikolai Konrad, Evgeny Zhukov, Evgeny Polivanov.*

References

- A *New Lexicon Slavic-Japanese*. 新スラフ・日本語辞典 (Sin Slav-Nihongo jiten) (1985), Tokyo: Nauka (in Russian).
- Alpatov V.M. (1988). *Japanese Language Studies in Russia and the USSR*, Moscow: Nauka; GRVL (in Russian).
- Alpatov V.M. (1991). Japanese Language Studies in Russia, the 2nd half of the 19th century (A Hundred Years for the First Russian Grammar on Japanese language). *Japan. 1989: Yearbook*, Moscow: Nauka; GRVL, pp. 234–241 (in Russian).
- Alpatov V.M. (1994). Japanologists under Political Repressions. *Japan. 1991–1992: Yearbook*, Moscow: Nauka; GRVL, pp. 310–319 (in Russian).
- Alpatov V.M. (2017). Japanese Language Studies in Russia through Its Stages. *Contemporary Japanology in Russia: Tribute for a Quarter of Century* (ed. Streltsov D.V.), Moscow: AIRO-XXI, pp. 15–30 (in Russian).
- Alpatov V.M. (2020). Current Issues of the Japanese Language Studies at Nowadays. *Japan XXI Nova: Era and Century [Issues of Japanology. Number 8]*, Saint Petersburg: Art-Xpress, pp. 12–23, Available at: https://orient.spbu.ru/images/knigi/JP-NOVA-XXI_era_vek_2020.pdf, accessed 20.12.2021 (in Russian).
- Bichurin N.Ya. (Rev. Iakinf) (1950). *Compiled Data on the Peoples Lived in Central Asia at the Ancient Times*. Vol. 2, Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Bichurin N.Ya. (Rev. Iakinf) (1960). *Compiled Data on the Historical Geography for East and Central Asia*, Chuvash State publishing house (in Russian).
- Ermakova L.M. (2005). *Tidings on Yapan-isle in Erstwhile Russia and Other*, Moscow: Languages of Slavic culture (in Russian).
- Ermakova E.V. (2016). The Tragedy of Japanology Professorate of the Far Eastern University in the 30s of the XX Century: Nikolai Petrovich Ovidiev (1891–1938). *Russian History of Japanese Studies in Portraits* (ed. Leshchenko N.F.), Moscow: Oriental Literature, pp. 61–67 (in Russian).
- Galperin A.L. (1960). Studies in the History of the Countries of the Foreign Far East. *Essays on the History of Historical Science in the USSR*. Vol. 2, Moscow: USSR Academy of Sciences, pp. 533–547 (in Russian).
- Japanese-Russian Dictionary, Compiled by I. Goshkevich with the Help of the Japanese Tatsibana-no Koosai* (1857), Saint Petersburg (in Russian).
- Kharnsky K.A. (1924). Oriental Institute and Oriental department for 25 years and after. Oriental Institute before the Revolution. *Red Banner*, November 29, 1924 (in Russian).
- Komarovsky G.E. (2005). *Notes of the Japanologist*, Moscow: Silver threads (in Russian).
- Kononov A.N. (1957). Oriental Faculty of Leningrad University (1855–1955). *Bulletin of Leningrad University*, no 8 (Series of History, Language and Literature, issue 2), pp. 5–22 (in Russian).
- Kononov A.N. (1960). *Some Historical Research Questions in Russian Oriental Studies*, Moscow: IVL (in Russian).
- Kostylev V.Ya. (1888). *Essay on the History of Japan*. Compiled by V. Kostylev, Saint Petersburg: publ. V. Bezobrazov & Co. (in Russian).
- Kostylev V.Ya. (1914). *Russian-Japanese Dictionary of Conversational Language*. Compiled by V.Ya. Kostylev, Ex-Consul at Nagasaki, Saint Petersburg: publ. by Smirnov (in Russian).
- Latyshev I.A. (2001). *Japan, Japanese and Japanese Studies*, Moscow: Algorithm (in Russian).

Leschenko N.F. (comp.) (1998). *Russian Orientalists. Memorial Pages*, Moscow: Muravey Publishing House (in Russian).

Leschenko N.F. (ed.) (2016). *Russian History of Japanese Studies in Portraits*, Moscow: Oriental Literature (in Russian).

Lexicon Russian-Japanese by Andrey Tatarinov (1962), Moscow: IVL (in Russian).

Petrova O.P. (1960). Department of Japanese Philology. *Oriental Studies at Leningrad University (Scientific Notes of LSU, no 296. Series of Oriental Sciences, issue 13)*, Leningrad: LSU, pp. 45–57. Available at: https://spbu.ru/sites/default/files/vostokovedenie_v_leningradskom_universitete_1960.pdf, accessed 21.12.2021 (in Russian).

Philippov A.V. (2020). A retrospect to bygone printed rarities on Japan and its history in old Russian historiography // *Topical Issues around Studies of History, International Relations and Cultures of Eastern Countries. Conference papers*, Novosibirsk: NSU, pp.145–157.

Philippov A.V. (2018). *Introduction to the Specialty: History of Japan (Study Guide)*, Saint Petersburg: LEMA (in Russian).

Podpalova G.I. (1994). Japanese Studies in Russia at the XVIII – early XX Century. *Japan. 1991–1992: Yearbook*, Moscow: Nauka, GRVL, pp. 209–231 (in Russian).

Pozdneev D.M. (1908). *Japanese-Russian Characters Dictionary (by Radicals'*

System), Tokyo: Teikoku insatsu kabushiki kaisha (in Russian).

Smirnov D.D. (1890). *Guide to the Study of the Japanese Language*, Saint Petersburg: publ. F. Eleonsky & Co. (in Russian).

Streltsov D.V. (ed.) (2017). *Contemporary Japanology in Russia: Tribute for a Quarter of Century*, Moscow: AIRO-XXI (in Russian).

Tikhotskaya I.S. (ed.) (2016). *Social and Economic Geography of Japan*. Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Trewartha G.T. (1949). *Japan: Physical and Economic Geography*: Russian short translation of “Japan: A Geography”. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.

Vasilkov Ya.V., Sorokina M.Yu. (eds.) (2003). *People and Destinies. Biobibliographical Dictionary of Orientalists – Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917–1991)*, Saint Petersburg: Saint Petersburg Oriental Studies (in Russian).

Venyukov M. (1869). *Essays on Japan by Venyukov M. with Map Attached*, Saint Petersburg: Publ. of Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Venyukov M. (1871). *The Revue of the Japanese Archipelago in Its Modern State. Writing by M. Venyukov*. Pt. 1–3, Berlin; Saint Petersburg: publ. by Shreier (in Russian).

Zhukov E.M. (1939). *History of Japan. A Brief Essay*, Moscow: Sotsekgiz (in Russian).